

В. А. ХРОЛИКОВА, С. И. ЕРМОЛЕНКО
*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1-31(Достоевский Ф. М.)
ББК ШЗЗ3(2Рос=Рус)5-8,44

АССОЦИАТИВНЫЙ ФОН ЭПИСТОЛЯРНОГО РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ассоциативного фона романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1846) – первого опубликованного произведения писателя. С помощью ассоциативного фона преодолевается кажущаяся замкнутость образа мира в эпистолярном романе, в котором все изображаемое дается в свете сознаний пишущих героев. Отмечается значимость заголовочного комплекса, связанного с повестью Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» и рассказом В. Ф. Одоевского «Живой мертвец», использование в романе отсылки к каноническим произведениям эпистолярной литературы (Н.-Ж. Леонар «Тереза и Фальдони, или Письма двух любовников, живущих в Лионе», С. Ричардсон «Кларисса Гарлоу»), а также множественных литературных и библейских реминисценций. Делается вывод о том, что в романе «Бедные люди» ассоциативный фон позволяет осветить характеры главных героев – Макара Девушкина и Вареньки Доброселовой – с разных сторон, способствуя более полному раскрытию их неоднозначного внутреннего мира, а библейские реминисценции сообщают общечеловеческий смысл и гуманистический пафос произведению: любовь и сочувствие к другому страдающему и страждущему человеку становятся, в представлении Достоевского, как скажет он позднее, «главнейшим и, может быть, единственным законом бытия всего человечества».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; «Бедные люди»; жанровая специфика; эпистолярный роман; ассоциативный фон; внетекстовая сфера.

В эпистолярном жанре, к которому относится роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1846), особая роль принадлежит субъектной организации, поскольку все изображаемое дается в свете сознаний пишущих героев. Вместе с тем кажущаяся замкнутость художественного образа мира эпистолярного произведения преодолевается при помощи «внетекстовой сферы» – ассоциативного фона, которой, «как ореол», окружает “локус”, расширяет его». Ассоциативный фон, который, по мнению Н. Л. Лейдермана, является одним из носителей (уровней) жанра, создается при помощи открытых ассоциаций повествователя, персонажей и скрытых ассоциаций (подтекста и сверхтекста). Подтекст устанавливает «скрытые связи между образами во внутреннем мире произведения», сверхтекст же «расширяет

границы образа мира художественного произведения, непосредственно изображенного в тексте». При посредстве свертхтекста читатель, благодаря своему жизненному и культурному опыту, «досоздает» художественную реальность [См.: Лейдерман 2010: 126–129. Разрядка автора. – В. Х., С. Е.].

В романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди» ассоциативный фон возникает уже в заголовочном комплексе: в названии и эпиграфе к произведению. Название романа – «Бедные люди», полагает Э. М. Жилякова, содержит отсылку к повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» (1792) – произведению, которое является ключевым в истории русского сентиментализма. Повесть Карамзина и роман Достоевского, ориентированный, по мнению исследовательницы, на сентименталистскую традицию, «соотносимы по характеру постановки и освещения центральной проблемы – темы человеческого достоинства, решаемой на истории “бедного” человека» [Жилякова 1989: 61].

Эпиграф же отсылает к другой, романтической традиции. В качестве эпиграфа Ф. М. Достоевский выбрал финальный отрывок из рассказа В. Ф. Одоевского «Живой мертвец» (1844): «Ох уж эти мне сказочники! Нет чтобы написать что-нибудь полезное, приятное, усадительное, а то всю подноготную в земле вырывают!.. Вот уж запретил бы им писать! Ну, на что это похоже: читаешь... невольно задумаешься, – а там всякая дребедень и пойдет в голову; право бы, запретил им писать; так-таки просто вовсе бы запретил» (13)¹. «Эпиграф, – пишет В. Е. Ветловская, – приглашал читателя следовать за автором в какие-то невидимые глубины, предупреждал о необходимости над чтением задуматься и о таких результатах всех этих размышлений, в свете которых лучше было бы пресечь зло в самом истоке и запретить писать подобные сочинения, поскольку (как выясняется в дальнейшем) разоблаченная в нем реальность оказывается страшнее любой самой “страшной сказки”» [Ветловская 1988: 55]. Для Достоевского, очевидно, был важен смысл рассказа, сформулированный в начале его самим автором «Живого мертвеца»: «Мне бы хотелось выразить буквами тот психологически закон, по которому ни одно слово, произнесенное человеком, ни один поступок не забываются, не пропадают в мире, но производят непременно какое-либо действие». И, следовательно, человек несет ответственность за «каждое слово», «каждый, по-видимому, незначущий поступок», «каждое движение души» [Одоевский 1987: 428]. Проблема ответственности человека за свой нравственный вы-

¹ Здесь и далее цит. по: [Достоевский 1972] с указанием страницы в тексте статьи. Курсив в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, наш. – В. Х., С. Е.

бор, поступок, вытекающий из этого выбора, станет важнейшей в творчестве Достоевского.

Вероятно, Достоевского привлекла в рассказе Одоевского, в силу своей исключительности, сама ситуация сна, в которой, по М. М. Бахтину, открываются возможности «совсем другой жизни»: «Жизнь, увиденная во сне, остраивает обычную жизнь, заставляет понять и оценить ее по-новому... И человек во сне становится другим человеком, раскрывает в себе новые возможности (и худшие и лучшие), испытывается и проверяется сном» [Бахтин 1979: 171]. В рассказе Одоевского «Живой мертвец» главному герою Василию Кузьмичу Аристидову приснился «глупый» и вместе с тем страшный сон о собственной смерти и реакции окружающих на это событие. Во сне перед героем предстают «вдовы, сироты» – все, «оскорбленные» им, «весь мир» его «злодеяний» («индо страшно становится» от содеянного «в жизни»). Впрочем, ночные «страхи» героя быстро проходят после пробуждения: «Надо, однако ж, чем-нибудь развлечься» [Одоевский 1987: 453]. Переосмысление героем собственной жизни не произошло. Сознание героя Одоевского лишь во сне предстало слегка тронутым рефлексией («что я такое на свете был?») [Там же: 449], от которой он, проснувшись, освобождается, «списав» ночные «страхи» на «немного небрежный» ужин и «какую-то фантастическую сказку», некстати прочитанную («лукавый дернул») «на сон грядущий» [Там же: 453].

В «Бедных людях» Достоевский не обращается к ситуации сна в той ее «кризисной» вариации (когда становится возможным проникновение в глубины сознания и подсознания, скрытые в обычной жизни от самого человека), которая будет характерна для его последующего творчества. Однако же о своих снах рассказывают друг другу герои романа. И это всё сны тревожные, беспокойные, о которых не могут забыть герои после пробуждения. Так, Макару Девушкин, растревоженный мучительными противоречиями жизни, «иносказательно» рассказывает Вареньке в письме от «Сентября 5» о некоем «мастеровом», живущем, «примерно говоря», «в каком-нибудь дымном углу, в конуре сырой какой-нибудь», которому будто бы «всю ночь сапоги снились, что вчера он подрезал нечаянно» («как будто именно такая дрянь и должна человеку сниться!») (88). А «этажом выше или ниже, в позлащенных палатах», «богатейшему лицу» снятся совсем другие сны. И «нет человека, который бы шепнул ему на ухо, что “полно, дескать... о себе одним думать, для себя одного жить...”» (89). Это сны не о себе, но переживания «мастерового», нечаянно «подрезавшего» «сапоги», понятны Макару Девушкину, перекликаются с его собственным со-

стоянием, описанным им в письме от «Сентября 9». Речь идет о «страшном происшествии», случившемся с героем. Переписывая «бумагу нужную, спешную», он «пропустил» «целую строчку» и был вызван для разбирательства к «его превосходительству»: «Я помертвел, оледенел, чувств лишился...» (92). Макару Девушкину кажется, что он «всё это предчувствовал. Всё это заранее слышалось моему сердцу! Я даже *намедни во сне что-то видел подобное*» (91).

Мучительные сны снятся и Вареньке. Один из таких снов она описывает в своих записках: «Я мучилась. Я не знаю – я не могу припомнить себе, – но какой-то *страшный сон*, какое-то *ужасное видение* посетило мою расстроенную голову в томительную минуту борьбы сна с бдением. Я проснулась в ужасе. <...> ... воображение мое взволновано было *ужасным сном*; тоска сдавила мое сердце...» (37). И даже в милом для Вареньки детстве сны видятся ей «страшные»: «Проснешься, бывало, шевельнуться не смеешь и до рассвета дрогнешь под одеялом» (84).

«Страшные», «ужасные» сны, о которых рассказывают Девушкин и Варенька, сны, которые сбываются наяву, свидетельствуют об их «расстроенном» здоровье, неустойчивом, тревожном душевном состоянии, неуверенности и страхе перед завтрашним днем.

Вероятно, Достоевский обратил внимание и на перволичную форму повествования в рассказе Одоевского, когда сам герой – «живой мертвец» – выступает в качестве рассказчика. Это позволяло сосредоточить внимание на главном – на раскрытии «“подноготной” жизни человеческого духа и сознания», что говорит о «продуманности и точности» выбора эпиграфа автором «Бедных людей» [Турьян 1997: 94].

Именно форму повествования от лица героев использует Достоевский в «Бедных людях». Сама жанровая форма – роман в письмах – как нельзя более соответствовала художественной задаче, которой писатель был верен всю свою творческую жизнь: «При полном реализме найти в человеке *человека*» [Достоевский 1984: 65]. Отсутствие традиционной для данной жанровой формы фигуры редактора / издателя способствовало свободе самовыражения, полноте раскрытия внутреннего мира героев, ведущих переписку.

Далее расширение внутреннего мира «Бедных людей» происходит уже за счет многочисленных литературных отсылок, содержащихся в самом тексте произведения. Так, имена слуг в доме, где живет Девушкин, соотносятся с героями популярного в конце XVIII – начале XIX века сентиментального эпистолярного роману Н.-Ж. Леонара (Leonard N.-G.) «Гереза и Фальдони, или Письма двух любовников, живущих в Лионе» (1783; русский перевод М. Т. Каченовского – 1804,

2-е изд. – 1816). «Прямую перекличку с романом Леонара» заметила в «Бедных людях» Э. М. Жиликова [См.: Жиликова 1989: 55–59]. Это выражается, во-первых, в том, что герои Леонара, как и герои Достоевского, – натуры «чувствительные», что сообщает особую «напряженность лирико-драматическому тону переписки». «... Чувствительный человек, – размышляет Фальдони, – есть раб стихий, климата, годовых времен; всей природы; все трогает его, все потрясает его душу» [Леонард 1816: III, 91–92]. Столь же впечатлительна и Тереза, оплакивающая свою участь после смерти матери: «Несчастливая! всего я лишилась! не знаю, как еще существовать! ужасная будущность открывается предо мною...» [Там же: III, 76]. Во-вторых, очевидны повторяющиеся мотивы и образы в романах. Герои Леонара и Достоевского совершают совместные прогулки, делясь потом своими восторгами и поэтическими впечатлениями в письмах. У Терезы, как и у Вареньки, умирает мать, и в жизни ее появляется страшный человек – «привидение, длинное, сухощавое, смугло-желтое, воющее диким голосом... своею улыбкою ужас наводящее» [Там же: I, 91]. Подобное же впечатление производит на Вареньку и «негодяй» Быков, преследующий ее. История отношений Макара и Вареньки, как и в романе французского писателя, «пронизана элегическими мотивами “уходящего времени”», в обоих произведениях возникают образы «осени», «зимы» с их символическим значением «роковой неизбежности трагической развязки»: «... конец осени сугубит мрачность моих мыслей; падающие со всех сторон листья, желтеющее поле – образ печали и опустошения – наполняют ужасом мою душу» [Там же: III, 92–93]. «Прощай, сладкая надежда, любовь, сопряжение сердец! прощай все!», – вторит ему Тереза [Там же: III, 96]. Это прощание Терезы напоминает последние слова Вареньки, обращенные к Макару Девушкину в «Бедных людях»: «Прощайте, мой друг, прощайте, прощайте!» (106). Наконец, мир без любимой кажется Фальдони «обширной пустыней», Терезе без Фальдони – «степью необитаемой». Тот же образ безлюдной степи («голой степи; вот как моя ладонь голая!» (107)), куда увезет Вареньку Быков, представляется смятенному воображению Макара Девушкина, страдающему от предстоящей разлуки с ней.

Вместе с тем, используя мотивы и образы sentimentalного романа Леонара, Достоевский, как указывает В. В. Виноградов, подчеркивает «литературный сдвиг старых sentimentalных тем», которым отмечен его роман [Виноградов 1976: 163]. Во-первых, Достоевский переосмысляет образы героев романа Леонара: несчастные лионские любовники – Тереза и Фальдони – становятся нищими обитателями Петербурга, которые занимают еще более низкое социальное положение

ние, чем Макар Девушкин и Варенька Доброселова. Макар Алексеевич и Варенька сочувствуют Терезе: «Она женщина добрая, кроткая, бессловесная. Но наша хозяйка просто безжалостная. Затирает ее в работу, словно ветошку какую-нибудь» (16); «Она, кажется, такая больная; жалко было ее; я ей дала двадцать копеек» (18). И в то же время в их отношении к Терезе и Фальдони заметен оттенок какой-то «презрительной жалости». В характеристиках, которые дает слугам Макар Алексеевич (Тереза – *«худая, как общипанный, чухлый цыпленок»*; Фальдони – *«рыжий, чухна какая-то, кривой, курносый, грубиян»*) (23), сочетаются трагическое и комическое. В романе французского писателя образы Терезы и Фальдони воспринимались в контексте «трагической любовной истории». В романе же Достоевского отношения Терезы и Фальдони «далеки от идиллических» [Якубович 2001: 94]: всё «бранятся», «чуть не дерутся» (23), – что, впрочем, не снимает уже отмеченного трагического пафоса. Так возникает в описании даже второстепенных персонажей в романе Достоевского некая «эстетическая многомерность» [Жиликова 1989: 57].

В роман «Бедные люди» имплицитно включен также другой – знаковый роман эпохи сентиментализма – «Кларисса Гарлоу» (1747–1748) С. Ричардсона. В письме от «Августа 11» Девушкин жалуется Вареньке: «А Ратазьев отвечал мне... вы, дескать, Ловелас; и теперь все меня Ловеласом зовут, и имени другого нет у меня!» (72). Очевидно, что буквально сравнивать Макара Алексеевича, бедного «с клочком волос» на голове немолодого чиновника, с молодым соблазнителем, красавцем-аристократом Робертом Ловласом, героем романа Ричардсона, невозможно. Конечно, «Ловеласом» Девушкин назван со значительной долей иронии (вспомним значение фамилии героя, свидетельствующее о его невинности). Отсылка к «Клариссе» наводит читателя на мысль о сходстве сюжетов двух романов. Напомним: Ловлас, стремящийся совратить Клариссу, убежден, что «погоня за чувственным наслаждением – всеобщий закон бытия», героиня же, напротив, считает основным законом бытия добродетель [Елистратова 1988: 53]. При этом Кларисса оказывается тонко чувствующей и ранимой натурой, что становится ясно из ее писем: «*я лишилась чувств...*»; «*... досадно мне и прискорбно...*»; «*... я почувствовала в душе моей чрезвычайное ослабление*» [Ричардсон]. Ловласа привлекает в Клариссе ее невинность и чистота («*Эта бедная малютка такой простоты...*»; «*все скромно, униженно и невинно...*»). Именно это подстегивает его азарт. Ловлас уверен, что его «эксперимент» удастся: Кларисса не сможет устоять перед искушением и пойдет «путем всякой плоти» [Там же]. Но Ловлас не понял в Клариссе главного – ее духовной сути. Обману-

тая и опороченная Ловласом, Кларисса, прошедшая через грязь и унижения, отвечает отказом на последовавшее затем его предложение руки и сердца (слишком поздно молит он ее о прощении). Вследствие этого неизбежным становится трагическое разрешение конфликта в романе – смерть Клариссы в финале, свидетельствуя в то же время о моральной победе героини, сумевшей сохранить «наперекор всему свою душевную цельность и чистоту» [Елистратова 1988: 53].

Варенька же в результате интриг родственницы Анны Федоровны оказывается во власти «негодяя» Быкова. В отличие от «Клариссы», финал «Бедных людей», на первый взгляд, не является столь мрачным. Однако, несмотря на то, что роман заканчивается венчанием Вареньки, ощущение счастливого финала отсутствует. Более того, подобная развязка подчеркивает трагичность судьбы героини, которую предчувствует любящий ее Макар Девушкин. В своем последнем письме, завершающем роман, он будто оплакивает Вареньку, словно бы уже «погребенную заживо»: «Вы там умрете, вас там в сыру землю положат; об вас и поплакать будет некому там! <...> Ведь вас там в гроб сведут...» (107). Да и сама Варенька ясно видит свое будущее. Слова из ее последнего письма звучат как завещание перед смертью: «Помните, помните вашу бедную Вареньку!» (106).

Благодаря тому, что в текст романа «входят» два канонических эпистолярных романа Н.-Ж. Леонара и С. Ричардсона, образы Макара Алексеевича и Варвары Алексеевны получают как бы дополнительное освещение: герои воспринимаются в свете трагического ореола. Девушкин не только лишается надежды быть для Вареньки если не спутником жизни, то хотя бы просто другом. Вся жизнь его теперь лишается смысла: «Я умру, Варенька, непременно умру; не перенесет мое сердце такого несчастья <...> Я... сам для вас только одних и жил!» (107). Нравственный, добродетельный образ Вареньки получает ореол жертвенности: девушка не только остается нравственно чиста, но и избавляет своего друга от дальнейших хлопот о себе. Достоевский вступает в диалог с традицией, переосмысливая ее: «Варенька принимает предложение Быкова, – справедливо отмечает Т. А. Боборыкина, – и это, пожалуй, страшнее, чем картинная смерть Клариссы» [Боборыкина 2015: 127]. Так, «традиционная внешняя структура эпистолярного романа как бы сохраняется, “заканчиваясь церковью”, а, по сути, представляет собой отнюдь не счастливый финал, венчающий историю героини» [Там же: 128].

На расширение ассоциативного фона романа «работает» и круг чтения героев, особенно значим тот, который связан с образом Макара Девушкина. По утверждению В. В. Виноградова, автор раскрывает

круг чтения Девушкина для создания «комической мотивировки сентиментальной настроенности героя» [Виноградов 1976: 163]: «Я вам, Варенька, спроста скажу, – я человек неученый; читал я до сей поры мало, очень мало читал, да почти ничего: “Картину человека”, умное сочинение, читал; “Мальчика, наигрывающего разные штуки на колокольчиках” читал да “Ивиковы журавли”, – вот только и всего, а больше ничего никогда не читал» (59). Как можно догадаться, на размышления о сущности человека Макара Алексеевича наталкивает именно философско-поучительная «Картина человека: Опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий, начертанный А. Галичем» (1834), во введении к которой утверждается: «Из всех предметов, подлежащих познанию человека, сам он был и останется для себя важнейшим, – останется и первым и последним» [Галич]. Книга Галича, по мнению Г. М. Фридендера, – «символ отошедших в прошлое сентиментально-романтических представлений о человеке» [Фридендер 1972: 481]. Но, очевидно, что именно эти уже «отошедшие в прошлое» представления влияли на формирование личности Девушкина, способствуя процессу его самопознания.

С «Ивиковыми журавлями» (1813) В. А. Жуковского (перевод баллады Ф. Шиллера «Die Kraniche des Ibykus», 1797) связано романтическое мировосприятие Девушкина, его утопическая вера в справедливость и неотвратимость наказания за содеянное зло:

Эринний страшный хор гремит;
И, цепenea, внемлет зритель;
И лира, онемев, молчит:

«Блажен, кто незнаком с виною,
Кто чист младенчески душою!
Мы не дерзнем ему вослед;
Ему чужда дорога бед...
Но вам, убийцы, горе, горе!
Как тень, за вами всюду мы,
С грозою мщения во взоре,
Ужасные созданья тьмы. [Жуковский 1959: 42]

Включенная в контекст романа баллада «Ивиковы журавли» с ее античным сюжетом о гибели от рук злодеев странствующего певца, «скромного друга богов», поднимала «тему бедного человека до общечеловеческого значения», являясь «кульминацией общего движения в осмыслении Достоевским истоков гуманистического сознания героя»

[Жилиякова 1989: 133].

В сентиментальном романе Ф. Г. Дюкре-Дюмениля «Мальчик, наигрывающий разные штучки на колокольчиках» (1809; русский перевод – 1810 и 1820) «была поставлена тема нравственного достоинства “маленького” человека» [Там же]. Герой романа – Матвей Робино, человек чуткий и отзывчивый, – подбирает на улице нищего мальчика, судьба которого счастливо складывается в финале романа. Нетрудно заметить схожесть образов Робино и Девушкина: оба героя – натуры чувствительные. Возможно, что чтение таких произведений позволяло герою отвлечься от жестокой действительности, уйти в свой выдуманый утопический мир, где царствуют гармония и справедливость. Как известно, А. С. Пушкин скептически отзывался о сентиментально-моралистических романах «для юношества» Дюкре-Дюмениля, относя их к разряду чтения для «глупцов» [Пушкин 1951: 515]. И в этом случае, очевидно, следует сказать, что такого рода произведения, соответствуя невзыскательному литературному вкусу Девушкина, участвовали в формировании гуманистического начала в герое.

Как видим, реалистическая литература до знакомства с Варенькой была не знакома Макару Алексеичу. Вместе с тем можно сказать, что массовая литература того времени в определенной степени была известна герою. В его письмах встречаются упоминания о «Северной пчеле» («Прошелся по Невскому. “Пчелку” прочел» (95)), повестях Брамбеуса (О. И. Сенковского), книжках «с картинками и с разными описаниями» (60) (очевидно, имеются в виду популярные в 40-е годы «физиологические очерки» с «картинками» – изображениями разных социальных типов). К литературе этого сорта Макар Алексеич общается благодаря Ратазиеву, который мнит себя литератором. «Чиновник один есть (он где-то по литературной части), человек начитанный... умный человек» (16), – уважительно говорит о нем Макар Алексеич. Девушкин знакомится с произведениями Ратазиева, отрывками из которых Макар Алексеич делится с Варенькой, не скрывая при этом своих восторженных впечатлений. «Он хорошо пишет, очень, очень и опять-таки очень хорошо пишет. <... > ... цветисто, отрывисто, с фигурами, разные мысли есть; очень хорошо», – застывает он за своего «друга» перед Варенькой (56). Он даже выписывает некоторые особенно понравившиеся ему «цветистые» «местечки» из «опусов» Ратазиева, вроде, например, следующего:

«... Владимир вздрогнул, и страсти бешено заклокотали в нем, и кровь вскипела.

– Графиня, – вскричал он – графиня! Знаете ли вы, как ужасна эта страсть, как беспредельно это безумие? Нет, мои мечты меня не обманывали! Я люблю, люблю восторженно, бешено, безумно! Вся кровь твоего мужа не зальет бешеного, клокочущего восторга души моей! Ничтожные препятствия не остановят всеразрывающего, адского огня, бороздящего мою истомленную грудь. О Зинаида, Зинаида!..

– Владимир!.. – прошептала графиня вне себя, склоняясь к нему на плечо...

– Зинаида! – кричал восторженный Смелский.

Из груди его испарился вздох. Пожар вспыхнул ярким пламенем на алтаре любви и взбороздил грудь несчастных страдальцев» (52).

По мнению Г. М. Фридлендера, изображение реакций Девушкина на «творчество» Ратазиева «дает автору возможность пародировать в романе излюбленные литературные жанры и произведения тех писателей 1840-х годов, которые противостояли пушкинской и гоголевской реалистической традиции» [Фридлендер 1972: 469]. Так, исследователь полагает, что «повесть... из времен Ивана Грозного» «Ермак и Зюлейка» (о «диком и грозном завоевателе Сибири» Ермаке, побывшем «дочь сибирского царя Кучума, им в полон взятую»), вызвавшая восторг Девушкина («Уж что хорошо, так хорошо!» (52)), является пародией на псевдоисторические повести и романы Ф. В. Булгарина и Н. В. Кукольника. «Итальянские страсти» и «Знаете ли вы Ивана Прокофьевича Желтопуза?» направлены «против подражателей А. А. Бестужева-Марлинского и Гоголя» [Фридлендер 1972: 469, 470]. На фоне подобной массовой продукции письма Девушкина «начинают выступать как своеобразные литературные упражнения» [Виноградов 1976: 172], свидетельствуя об интересе героя к литературе.

Варенька не разделяет восторгов Девушкина, недоумевая: «Как вам нравятся его [Ратазиева – В. Х., С. Е.] сочинения, Макар Алексеевич? Такие пустяки...» (55). В попытках сформировать у своего друга литературный вкус Варенька посылает Макару Алексеевичу «Повести Белкина» А. С. Пушкина, с которыми у нее связаны дорогие ей воспоминания: «Два года тому назад мы читали эти повести вместе с матушкой» (55). Автор неслучайно делает Пушкина первым писателем, с которым знакомится Девушкин: «именно в “Бедных людях” Достоевский впервые и назвал Пушкина как родоначальника русской реалистической литературы» [Ветловская 1988: 107].

Чтение повестей Пушкина не случайно предваряется обзором читательского кругозора героя и его восторженным откликом на произ-

ведения Ратазиева. Это необходимо, чтобы «насторожить читателя, предупреждая его, что к литературной критике Макара Алексеевича следует отнестись с осторожностью» [Там же: 109].

Макар Алексеевич с восхищением воспринимает повести Пушкина: «В жизнь мою не случилось мне читать таких славных книжек» (58). Особенно герою понравился «Станционный смотритель». «Нет, это натурально! Вы прочтите-ка; это натурально! это живет! Я сам это видал, – это вот все около меня живет; вот хоть Тереза – да чего далеко ходить! – вот хоть бы и наш бедный чиновник, – ведь он, может быть, такой же Самсон Вырин, только у него другая фамилия, *Горшков*» (59). Курсив автора. – В. Х., С. Е.), – восклицает Девушкин в письме от «Июля 1», где дает оценку прочитанному. Герой понимает, что материал для повести взят из самой жизни, и описанное Пушкиным может произойти с каждым: «Дело-то оно общее, маточка, и над вами и надо мной может случиться. И граф, что на Невском или на набережной живет, и он будет то же самое, так будет казаться только другим... и со мною то же самое может случиться» (59). Макар Алексеевич воспринял «трагедию Самсона Вырина без всяких социальных ограничений» [Ветловская 1988: 110], не почувствовав иронии Пушкина в размышлениях о «порядке вещей». В «Станционном смотрителе» Девушкина «поразил личный тон рассказчика и непосредственная простота стиля» [Виноградов 1976: 172]. Герой не замечает различия между повествователем и самим автором, он их отождествляет.

Сюжет «Станционного смотрителя», который всплывает в сознании читателя, рисует новые линии в понимании смысла романа. В основе повести Пушкина, как известно, лежит библейская притча о блудном сыне (Лк. 15: 11-32), сюжет которой прослеживается и в судьбе Вареньки Доброселовой. «Вся мысль “Станционного смотрителя”, – пишет В. Е. Ветловская, – для героя Достоевского сводится к простому повторению назидания, заключенного в истории блудного сына... и обращенного к таким, как Дуняша: не убегай, не вводи в горе и грех отца» [Ветловская 1988: 113]. Размышляя над прочитанным, Макар Алексеевич обращается к Вареньке: «Вот оно что, маточка, а вы еще тут от нас отходить хотите; да ведь грех, Варенька, может застигнуть меня. И себя, и меня сгубить можете, родная моя» (59). Так, актуализируется мотив «заблудшей овечки», который вновь появится в финале романа.

В «Шинели» Н. В. Гоголя Девушкин также увидел всю свою жизнь. Однако реакция героя была совершенно противоположной: «Как! Так после этого и жить себе смирно нельзя, в уголочке своем... чтобы тебя не затронули, чтобы и в твою конуру не пробрались да не

подсмотрели...» (62). Макар Алексеевич сокрушается: «И для чего же такое писать? И для чего оно нужно? <...> Прячешься иногда, прячешься, скрываешься в том, чем не взял... и вот уж вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературе ходит, все напечатано, прочитано, осмеяно, пересужено!». Изображенную жизнь Девушкин иначе как «подлая» назвать не может: «пустой какой-то пример из вседневного, подлого быта» (63). Почему так по-разному реагирует Макар Алексеевич на два, казалось бы, похожих произведения, главные герои которых, как и Девушкин, – представители низших слоев русского общества?

В повести Гоголя Девушкин «увидел “пашквиль” на себя и был возмущен ее тематикой, приёмами рисовки у её автора, развитием её сюжетной схемы» [Виноградов 1976: 173]. В «Шинели» он нашел себя просмотренным «до малейших деталей, в субъективном мире другого человека, “сочинителя”, которого остро чувствует» [Бочаров 1969: 212]: «Все это вы по совести должны бы были знать, маточка, и он [Гоголь – В. Х., С. Е.] должен бы был знать; уж как взялся описывать, так должен бы был все знать» (62). Девушкин снова приравнивает повествователя к автору-творцу, считая, что именно Гоголь смеется над такими, как он, Девушкин, бедняками: «И они ходят, пашквильянты неприличные, да смотрят, что, дескать, всей ли ногой на камень ступаешь али носочком одним; что де-вот у такого-то чиновника, такого-то ведомства, титулярного советника, из сапога голые пальцы торчат, что вот у него локти продраны...» (69).

В результате прочтения повести Гоголя у героя происходит, как пишет М. М. Бахтин, бунт «против заочного овнешняющего и завершающего подхода литературы к “маленькому человеку”» [Бахтин 1979: 67]. Увидев себя в Акакии Акакиевиче, Макар Алексеевич был возмущен, что его жизнь определили, поставили в жесткие рамки и не оставили ему никаких перспектив: «Девушкин увидел себя сплошь исчисленным, измеренным и до конца определенным». Бахтин подчеркивает глубинный смысл этого бунта: «В человеке всегда есть что-то, что только сам он может открыть в свободном акте самосознания и слова, что не поддается овнешняющему заочному определению» [Там же: 68. Разрядка автора – В. Х., С. Е.]

Образ Макара Алексеевича Девушкина дает читателю отсылку к гоголевскому образу – Акакию Акакиевичу Башмачкину. Достоевский взял имя главного героя «Шинели» и применил его значение («незловивый») к фамилии Макара Алексеевича. «Но значение незловивости, –

замечает В. Е. Ветловская, – у Достоевского несколько потушено и как бы стертó, а значение невинности выдвинуто вперед и освещено» [Ветловская 1988: 60]. Невинный приобретает значение «неискушенный», и Девушкин, однажды «пав», все же сохраняет свою невинность.

Макар Алексеевич возмущен мрачным финалом гоголевской повести, у него не остается «никаких оснований для утешительных иллюзий» [Там же: 115]: «А лучше всего было бы не оставлять его умирать, беднягу, а сделать бы так, чтобы шинель его отыскалась... зло было бы наказано, а добродетель восторжествовала бы» (63), – резонерствует герой Достоевского. Повесть Гоголя разрушает идеализм героя, заставляет более остро почувствовать свое социальное положение, открывает глаза на реальность. И если в повести Пушкина, как считает Макар Алексеевич, произошедшее с Самсоном Выриным может случиться в жизни каждого, то в повести Гоголя описанное может произойти только с *бедным* человеком. Последняя мысль и становится ненавистна для Макара Алексеевича, отсюда и такая бурная реакция героя.

Роман Достоевского насыщен не только литературными, но и библейскими реминисценциями. Например, в письме от «Августа 5» Варенька пишет: «Посылаю вам *тридцать копеек серебром*; больше никак не могу. <...> У нас у самих почти ничего не осталось...» (75. Курсив наш. – В. Х., С. Е.). Напомним: тридцать сребреников получил Иуда Искариот от первосвященников за предательство Иисуса. В рассматриваемом романе «тридцать копеек серебром» выступают как знак «падения» героя, не только не сумевшего поддержать Вареньку («... молю вас о помощи. Не оставляйте меня, ради бога, в таком положении! <...> ... на вас одного вся надежда моя» (73)), но и согласившегося принять от нее, «сиротки», «дочечки», последние деньги, в которых она в этот момент так остро нуждалась: «Тридцать копеек серебром мне прислали... у меня сердце и заныло, глядя на ваши сиротские денежки. Сами ручку свою обожгли, голодать скоро будете... <...> Ну, как же мне было поступить в таком случае? Или уж так, без зазрения совести, подобно разбойнику, вас, сироточку, начать грабить! Тут-то я и упал духом... самого себя стал считать чем-то неприличным и в некоторой степени неблагопристойным. Ну, а как потерял к себе самому уважение, как предался отрицанию добрых качеств своих и своего достоинства, так уж тут и все пропадай, тут уж и падение!» (82). Так потом Семен Мармеладов («Преступление и наказание») возьмет «тридцать копеек» у своей дочери Сони: «Тридцать копеек вынесла... последние, всё что было, сам видел... <...> А ведь и ей теперь они нужны, а? <...> Ну-с, а я вот, кровный-то отец, тридцать-то эти копеек и стащил себе на похмелье!» (20). Как видим, с помощью

библейской реминисценции усложняется представление об образе Девушкина, свидетельствуя о дисгармоничности его личности, мучительно переживаемой героем.

В романе также появляется и образ золотого тельца, с которым ассоциируется образ господина Быкова: он богат, алчен, имеет безграничную власть. Быков подчиняет себе Вареньку, увозит ее в «степь», где «сердечку-то будет холодно». В этой связи еще раз вспомним название рассказа В. Ф. Одоевского «Живой мертвец», откуда взят Достоевским эпиграф: героиню ждет духовная смерть, хотя физически она будет «как сыр в масле кататься» (101). Как отмечает В. Е. Ветловская, душа Варвары Доброселовой «годится лишь для жертвоприношений страшному идолу – золотому тельцу, который реально владеет миром вещей». В таком мире душа обесценивается, становится «хуже ветошки», и если такой мир «одобрен богом», то у человека может возникнуть представление, что «бог задумал свое творение не иначе как в форме “пасквиля”...» [Ветловская 1988: 198].

Е. А. Яблоков обратил внимание на присутствие в романе Достоевского орнитоморфных образов [См.: Яблоков 1999]: «Встал я сегодня таким ясным соколом...»; «Сравнил я вас с птичкой небесной...»; «... вы, как пташка весенняя...»; «Зачем я не птица, не хищная птица!» (14). В последующих корреспонденциях мы также встречаем упоминания птиц: «У нас чижики так и мрут» (22); «Голубчик мой, Варенька!» (25), «Голубушка моя...» (49); «птеник вы мой слабенький, неоперившийся» (59) и т.д. Очевидна связь этих образов с библейскими сюжетами, в том случае, например, когда они относятся к образу Вареньки: как небесная птица, она обретает уже отмеченный выше ореол жертвенности. В Левите сказано: «Если же из птиц приносит он Господу всесожжение, пусть принесет жертву свою из горлиц, или из молодых голубей» (Лев. 1:14). Орнитоморфными образами подчеркивается добродетельность, нравственная чистота героини (отсюда – «голубушка») и ее жертвенность.

В первом письме Макара Алексеевича содержится неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Желание» (1831): «Зачем я не птица, не хищная птица!» (14). (У Лермонтова: «Зачем я не птица, не ворон степной...»). В библейской традиции ворон – хищная птица, питающаяся мертвечиной, которая «любит уединенные и пустынные места» [Библия 1891]. В то же время ворона можно считать символом надежды: именно ворон кормил в пустыне пророка Илию, принося ему хлеб и мясо по утрам и вечерам (III цар. 17:6). Девушкин, подобно ворону, живет уединенно и одиноко, стараясь скрыться от посторонних глаз. Но с образом героя Достоевского связывается надежда на воз-

возможность «восстановления» в человеке Человека, способного жить по христианским законам.

Продолжая выявление лермонтовского контекста в романе, отметим частотный повтор строк, отсылающих к стихотворению «И скучно и грустно...» (1840) письмах и Макара Алексеевича, и Вареньки: «Сегодня и тоска, и скучно, и грустно!» (19); «ужасно скучно»; «грустно мне сегодня, Варенька» (21); «грустно, маточка» (79). В. Е. Ветловская отмечает, что роман видоизменяет стихи поэта: «он ставит подразумеваемое продолжение по отношению к приведенной цитате в пояснительную связь так, что сказанное Лермонтовым у Достоевского выглядит иначе: “И скучно и грустно (потому что или ведь) некому руку подать / В минуту душевной невзгоды”» [Ветловская 1988: 179]. Так, в романе начинает звучать мотив «душевной невзгоды», которой отмечена жизнь «бедных людей» Достоевского.

Как видим, в «Бедных людях» представлен довольно широкий ассоциативный фон, который позволяет освещать характеры героев – Макара Девушкина и Вареньки Доброселовой – с разных сторон, обогащая тем самым их образы. В письмах Макара Алексеевича ассоциативный фон богаче, разнообразнее, в сравнении с письмами Вареньки. Автору важно показать, как по мере формирования собственного «слога» - сознания меняется внутренний мир Девушкина: из любителя сентиментальной и массовой литературной продукции герой превращается в читателя «большой» реалистической литературы, к которой его приобщает Варенька. Благодаря ассоциативному фону Макар Алексеевич начинает восприниматься как неоднозначная, в чем-то даже дисгармоничная личность, тяготящаяся своей дисгармоничностью и в то же время не способная совладать со своей чувствительностью. Реминисценции, связанные с образом Вареньки, позволяют подчеркнуть нравственную чистоту и трагичность ее судьбы в жестоком и несправедливом мире.

Особую значимость приобретают в «Бедных людях», на наш взгляд, библейские реминисценции, сообщающая гуманистический пафос роману: любовь и со-чувствие к другому страдающему и страждущему человеку становятся в представлении автора «главнейшим и, может быть, единственным законом бытия всего человечества», как скажет писатель позднее в другом своем романе «Идиот» (1868).

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4 изд. М. : Сов. Россия, 1979. 320 с.

Библия. Ветхий и Новый заветы. Синоидальный перевод. Библейская энциклопедия. арх. Никифора. 1891. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/biblerus/64388/Ворон> (дата обращения: 23.04.2017).

Боборыкина Т. А. Достоевский и Ричардсон : крутой поворот сюжета // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №10-2. С. 124–128.

Бочаров С. Г. Пушкин и Гоголь («Станционный смотритель» и «Шинель») // Проблемы типологии русского реализма. М. : Наука, 1969. С. 210–240.

Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Л. : Худож. лит., 1988. 208 с.

Виноградов В. В. Эволюция русского натурализма : (Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов) // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы : Избранные труды. М. : Наука, 1976. С. 141–187.

[*Галич А. И.*] Картина человека: Опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий, начертанный А. Галичем. СПб. : В типографии Императорской Академии Наук, 1834. URL:

https://books.google.ru/books?id=kdULAAAIAAJ&pg=PA1&dq=%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%87+%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B0+%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0&hl=ru&cd=1&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 21.10.2017).

Достоевский Ф. М. Бедные люди // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1972. Т. 1. С. 13–108.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1973. Т. 6. 424 с.

Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записной тетради 1880–1881 гг. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1984. Т. 27. Дневник писателя 1881. 465 с.

Елистратова А. А. Просветительский роман. Дефо. Ричардсон. Филдинг. Смолетт // История всемирной литературы : в 9 т. М. : Наука, 1988. Т. 5. С. 46–63.

Жилякова Э. М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844–1849). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1989. 272 с.

Жуковский В. А. Ивиковы журавли // Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. М. : ГИХЛ, 1959. Т. 2. С. 37–42.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Исследования и разборы / Ин-т

филол. исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. 904 с.

Пушкин А. С. Table-talk // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. Т. 7. С. 514–519.

Леонард (Леонар) Н.-Ж. Тереза и Фальдони, или Письма двух любовников, живших в Лионе / пер. с франц. 2-е изд. М. : Унив. тип., 1816. Кн. 1. 127 с.
URL: <https://books.google.ru/books?id=PWtpAAAAcAAJ&pg=PA3&lpg=PA3&dq=%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%B4+%D0%9D.+%D0> (дата обращения: 21.10.2017).

Леонард (Леонар) Н.-Ж. Тереза и Фальдони, или Письма двух любовников, живших в Лионе. 2-е изд. М. : Унив. тип., 1816. Кн. 3 123 с.
URL:

<https://books.google.ru/books?id=k2tpAAAAcAAJ&printsec=frontcover&q=inauthor:%22%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D1%81+%D> (дата обращения: 21.10.2017).

Ричардсон С. Кларисса Гарлоу. URL: http://royallib.com/read/semyuel_richardson/dostopamyatnaya_gizn_devitsi_klarissi_garlov.html (дата обращения: 21.03.2017).

Одоевский В. Ф. Живой мертвец // Одоевский В. Ф. Повести / сост., вступ. ст. и прим. В. И. Сахарова. М. : Правда. 1987. С. 428–453.

Турьян М. А. Об эпиграфе к «Бедным людям» : Модификации рефлектирующего / «разорванного» сознания // Достоевский : Материалы и исследования : в 20 т. Л. : Наука, 1997. Т. 14. С. 88–95.

Фридлиндер Г. М. Примечания // Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Бедные люди : повести и рассказы. 1846–1847. Л. : Наука, 1972. Т. 1. С. 455–515.

Яблоков Е. А. Сын девушки, ставший словом (Мифопоэтические мотивы романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Архетипические структуры художественного сознания. Екатеринбург, 1999. URL: <http://www.eajablokov.ru/article1.html> (дата обращения: 22.04.2017).

Якубович И. Д. Поэтика романа «Бедные люди» в свете европейской традиции эпистолярного романа : Н. Леонар-Пушкин-Достоевский // Достоевский : Материалы и исследования : в 20 т. СПб. : Наука, 2001. Т. 16. С. 80–96.

REFERENCES

Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo. 4 izd. M. : Sov. Rossiya, 1979. 320 s.

Bibliya. Vetkhii i Novyy zavety. Sinoidal'nyu perevod. Bibleyskaya

entsiklopediya. arkh. Nikifora. 1891. URL:
<http://dic.academic.ru/dic.nsf/biblerus/64388/Voron> (data obrashcheniya:
23.04.2017).

Boborykina T. A. Dostoevskiy i Richardson : krutoy povorot syuzheta // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2015. №10-2. S. 124–128.

Bocharov S. G. Pushkin i Gogol' («Stantsionnyy smotritel'» i «Shinel'») // Problemy tipologii russkogo realizma. M. : Nauka, 1969. S. 210–240.

Vetlovskaya V. E. Roman F. M. Dostoevskogo «Bednye lyudi». L. : Khudozh. lit., 1988. 208 s.

Vinogradov V. V. Evolyutsiya russkogo naturalizma : (Roman Dostoevskogo «Bednye lyudi» na fone literaturnoy evolyutsii 40-kh godov) // Vinogradov V. V. Poetika russkoy literatury : Izbrannye trudy. M. : Nauka, 1976. S. 141–187.

[*Galich A. I.*] Kartina cheloveka: Opyt nastavitel'nogo chteniya o predmetakh samopoznaniya dlya vseh obrazovannykh sosloviy, nachertanny A. Galichem. Spb. : V tipografii Imperatorskoy Akademii Nauk, 1834. URL:

https://books.google.ru/books?id=kdULAAAAIAAJ&pg=PA1&dq=%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%87+%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B0+%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0&hl=ru&cd=1&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (data obrashcheniya: 21.10.2017).

Dostoevskiy F. M. Bednye lyudi // Dostoevskiy F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t. L. : Nauka, 1972. T. 1. S. 13–108.

Dostoevskiy F. M. Prestuplenie i nakazanie // Dostoevskiy F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t. L. : Nauka, 1973. T. 6. 424 s.

Dostoevskiy F. M. Zapisi literaturno-kriticheskogo i publitsicheskogo kharaktera iz zapisnoy tetradi 1880–1881 gg. // Dostoevskiy F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t. L. : Nauka, 1984. T. 27. Dnevnik pisatelya 1881. 465 s.

Elistratova A. A. Prosvetitel'skiy roman. Defo. Richardson. Filding. Smolett // Istoriya vseмирnoy literatury : v 9 t. M. : Nauka, 1988. T. 5. S. 46–63.

Zhilyakova E. M. Traditsii sentimentalizma v tvorchestve rannego Dostoevskogo (1844–1849). Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 1989. 272 s.

Zhukovskiy V. A. Ivikovy zhuravli // Zhukovskiy V. A. Sobr. soch. : v 4 t. M. : GIKhL, 1959. T. 2. S. 37–42.

Leyderman N. L. Teoriya zhanra. Issledovaniya i razbory / In-t filol. issledovaniy i obrazovatel'nykh strategiy «Slovesnik» UrO RAO; Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2010. 904 s.

Pushkin A. S. Table-talk // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. : v 10 t. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1951. T. 7. S. 514–519.

Leonard (Leonar) N.-Zh. Tereza i Fal'doni, ili Pis'ma dvukh lyubovnikov, zhiivshikh v Lione / per. s frants. 2-e izd. M. : Univ. tip., 1816. Kn. 1. 127 s. URL: <https://books.google.ru/books?id=PWtpAAAACAAJ&pg=PA3&lpg=PA3&dq=%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%B4+%D0%9D.+%D0> (data obrashcheniya: 21.10.2017).

Leonard (Leonar) N.-Zh. Tereza i Fal'doni, ili Pis'ma dvukh lyubovnikov, zhiivshikh v Lione. 2-e izd. M. : Univ. tip., 1816. Kn. 3 123 s. URL: <https://books.google.ru/books?id=k2tpAAAACAAJ&printsec=frontcover&dq=inauthor:%22%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D1%81+%D> (data obrashcheniya: 21.10.2017).

Richardson S. Klarissa Garlou. URL: http://royallib.com/read/semyuel_richardson/dostopamyatnaya_gizn_devitsi_klarissi_garlov.html (data obrashcheniya: 21.03.2017).

Odoevskiy V. F. Zhivoy mertvets // Odoevskiy V. F. Povesti / sost., vstup. st. i prim. V. I. Sakharova. M. : Pravda. 1987. S. 428–453.

Tur'yan M. A. Ob epigrafe k «Bednym lyudyam» : Modifikatsii reflektiruyushchego / «razorvannogo» soznaniya // Dostoevskiy : Materialy i issledovaniya : v 20 t. L. : Nauka, 1997. T. 14. S. 88–95.

Fridlender G. M. Primechaniya // Dostoevskiy, F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t. Bednye lyudi : povesti i rasskazy. 1846–1847. L. : Nauka, 1972. T. 1. S. 455–515.

Yablokov E. A. Syn devushki, stavshiy slovom (Mifopoeticheskie motivy romana F. M. Dostoevskogo «Bednye lyudi» // Arkhetipicheskie struktury khudozhestvennogo soznaniya. Ekaterinburg, 1999. URL: <http://www.ejablokov.ru/article1.html> (data obrashcheniya: 22.04.2017).

Yakubovich I. D. Poetika romana «Bednye lyudi» v svete evropeyskoy traditsii epistolyarnogo romana : N. Leonar-Pushkin-Dostoevskiy // Dostoevskiy : Materialy i issledovaniya : v 20 t. SPb. : Nauka, 2001. T. 16. S. 80–96.